

Gala

КАЖДАЯ ЖИЗНЬ — ИСТОРИЯ

№5 (90) май 2012

Биография

Рекомендованная розничная цена 55 рублей

Золотая
коллекция

EURO-COURTLINE S.r.l. SWITZERLAND 12.70 CHF

11 интервью **Вадима ВЕРНИКА**

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО ВЕРА АЛЕНТОВА, ЮЛИЯ И ВЛАДИМИР МЕНЬШОВЫ
СЕРГЕЙ ГАРМАШ ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ
РЕНАТА ЛИТВИНОВА КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ ДИАНА ВИШНЁВА
СЕРГЕЙ БЕЗРУКОВ ОКСАНА АКИНЬШИНА МАКСИМ ГАЛКИН

«Я не был обучен предаваться счастью»

НАШИ ДОРОГИ С ДМИТРИЕМ ХВОРОСТОВСКИМ ВПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕКЛИСЬ, КОГДА ЕГО ИМЯ ТОЛЬКО-ТОЛЬКО СТАЛО ИЗВЕСТНО МЕЛОМАНАМ. ДИМА ПОЛУЧИЛ НАГРАДУ КАК ЛУЧШИЙ ПЕВЕЦ НА КОНКУРСЕ В КАРДИФФЕ, И Я, В ТО ВРЕМЯ НАЧИНАЮЩИЙ ЖУРНАЛИСТ, ВЗЯЛ У НЕГО ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ОДНОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА. ПОТОМ БЫЛИ ДРУГИЕ ВСТРЕЧИ. ОН СТАНОВИЛСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ЗНАМЕНИТЫМ. НО КАЖДЫЙ РАЗ Я УБЕЖДАЛСЯ: С САМОИРОНИЕЙ У ХВОРОСТОВСКОГО ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

В жизни у Димы глуховатый голос. Меня это поражало и раньше, ведь у Хворостовского-певца сочный объемный баритон, признанный во всем мире. Наверное, это один из парадоксов природы... Мы не виделись несколько лет. Первый вопрос, который я хотел задать: «Беседовать будем на ты или на вы?» Но Хворостовский меня опередил: «Привет! Как поживаешь?» Он отметил, что следит за тем, что я делаю в профессии, и мне показалось, что это не дежурные слова. А мои восторги по поводу его успехов уж точно не были лукавством!

Хворостовский по-прежнему вне возраста. Седина, которая уже давно стала частью его имиджа, вовсе не прибавляет ему эниное количество лет, а, напротив, как это ни странно,

Дмитрий Хворостовский и Вадим Верник. Октябрь 2010 года.

▶ *делает его моложе. И причина не только в ухоженности – за внешностью сегодня следят многие мужчины. Просто ему очень интересно жить, ему есть куда стремиться и что открывать в самом себе.*

– Дима, первый раз мы встретились, страшно сказать, почти 20 лет назад. Недалеко отсюда – в гостинице «Россия», а позже – в «Минске». Сейчас на ее месте другое, отреставрированное здание, Москва меняется, как и жизнь в целом...

– Я прекрасно помню, как травили тараканов в гостинице «Минск» на Тверской. Окна тогда открывали, потому что не было кондиционеров, и жара стояла ужасная. Но тем не менее эти времена вызывают у меня ностальгию.

– А ты как-то ощущаешь ход времени? Вот ты бежишь-бежишь, в какой-то момент останавливаешься и...

– А я не останавливаюсь. Еще ни разу не останавливался. У меня никогда не было ни причин, ни, честно говоря, большого желания для рефлексии. Я не из тех людей, которые копаются в прошлом, смакуют подробности дней минувших, ударяются в воспоминания... Если мне когда-нибудь предложат писать автобиографию, я, наверное, не смогу этого сделать.

– Почему?

– Всегда, всю свою жизнь, я мысленно существовал в будущем. Мы встретились с тобой 20 лет назад, и уже тогда мой график был расписан на пять лет вперед. К такому ритму я привык и до сих пор живу мечтами и планами. Уже новыми, поскольку все, о чем я грезил тогда, в ранней молодости, сбылось.

– А что дальше? Я помню, тогда ты пребывал в состоянии эйфории: все было в новинку, все происходило впервые. Сейчас опыт позволяет тебе двигаться вперед

уверенно, а не на ощупь, как было раньше, но удалось ли тебе сохранить ту эйфорию? Ты еще способен испытывать такого рода волнение?

– Наверное, я смогу испытать что-то подобное, если поменяю профессию, – например, начну сниматься в кино или сыграю в театральной постановке. Причем непременно современного автора – классики мне хватает на оперной сцене. Но вряд ли я почувствую именно эйфорию. Это чувство свойственно все-таки новичкам. Волнение – да, но эйфория... Понимаешь, я уже очень давно занимаюсь своим делом и, несмотря на то что постоянно меняю курс, пробую новые жанры, к сцене я уже привык.

– А какие были эмоции, когда ты из родного Красноярска уехал на Запад?

– Я рвался из России, хотел утвердиться за границей, завоевать западную публику, показать миру, кто я такой. Хотелось

С мамой Людмилой Петровой в родном Красноярске, где Дмитрий прожил до 27 лет.

«ЕСЛИ МНЕ КОГДА-НИБУДЬ ПРЕДЛОЖАТ ПИСАТЬ АВТОБИОГРАФИЮ, Я, НАВЕРНОЕ, НЕ СМОГУ ЭТОГО СДЕЛАТЬ»

Диме 5 лет. Через два года он начал петь в детском хоре. А потом, в 11 лет, у него начал ломаться голос. «По настоянию отца с 12-ти до 14-ти я совсем не пел», – вспоминает Дмитрий.

вырасти, многому научиться. В СССР больших возможностей не было, по крайней мере, я их не чувствовал. Конечно, я мог бы шатко-валко развиваться в Красноярском театре оперы и балета, работать там солистом, со временем стал бы, наверное, заслуженным или даже народным артистом... Но не думаю, что смог бы добиться того, чего добился на Западе.

– Ты наверняка даже не рассматривал вариант остаться в Красноярске?

– Конечно, это была только ступень в развитии. В те годы я рассуждал так: «я и Карузо» или: «я и Паваротти». (Улыбается.) На меньшее не рассчитывал.

– Но основания для подобных рассуждений были?

– Конечно.

– То есть все говорили тебе: «Какой прекрасный голос...»

– Нет, не все. Можно сказать, никто не говорил. Но я сам так думал. (Смеется.) А это важнее. Собственные ощущения вообще самое главное. Я знаю, что многие мои коллеги в этом смысле не совсем адекватны. Они живут в какой-то своей реальности, им в ней существовать легче. Но я стараюсь относиться к себе объективно.

– А как именно ты к себе относишься?

– Я понимаю, что я носитель удивительно-го таланта, который был дан мне родителями и природой. Помню, лет двадцать назад Ирина Константиновна Архипова (великая оперная певица. – Прим. ред.) подошла ко мне и сказала: «Димочка, ну хорошо, я все это знаю, но ты-то откуда все про себя знаешь?!» Тогда это было что-то спонтанное, интуитивное. Но сейчас я не просто чувствую, я знаю, что и как я делаю. Мне это стоило многих лет работы на оперной сцене. Только там я расту, только благодаря большим оперным работам в моей жизни и карьере про-

Дмитрий Хворостовский со своим педагогом по вокалу Екатериной Иофель в Красноярском институте искусств. 1991 год.

исходили и происходят удивительные вещи, падения и взлеты. И вообще, карьера развивается по спирали.

– Были падения?

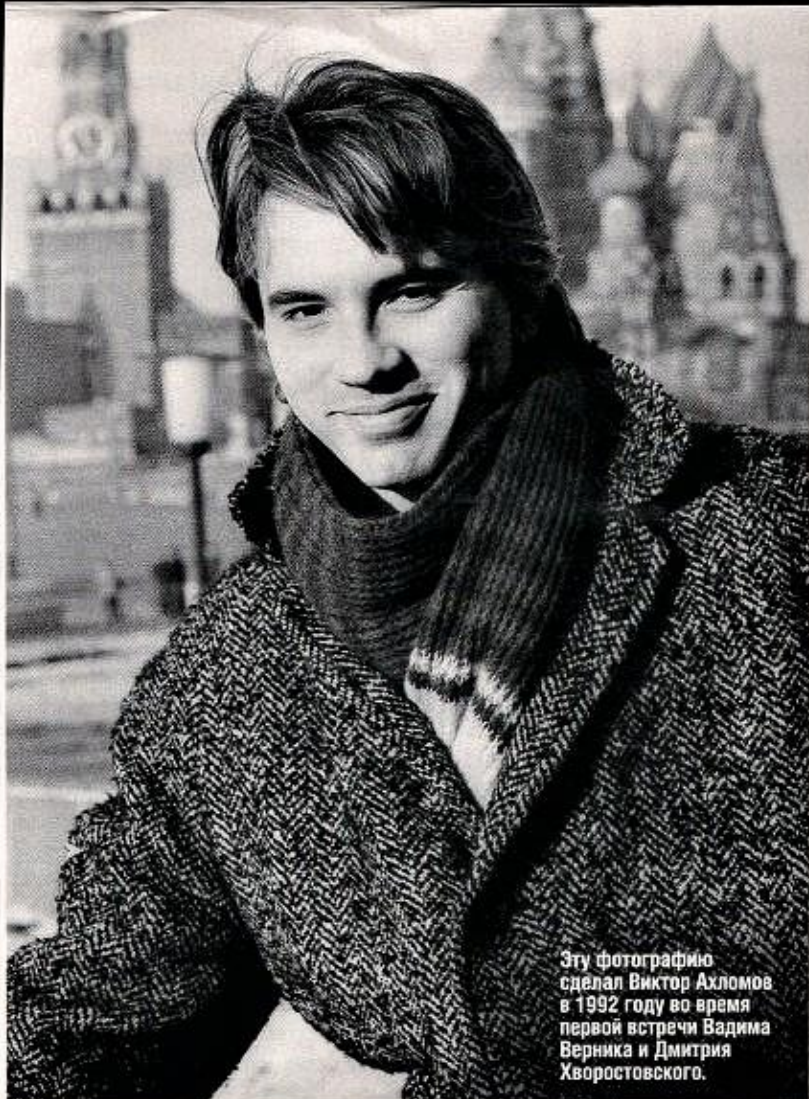
– Конечно. В прошлом году, например: в начале весны я очень устал, были технические проблемы с голосом, и эмоционально я чувствовал себя опустошенным. Петь не мог и не хотел.

– То есть вот совсем не хотел?

– Не то слово. Думал бросить все и уйти. Это было в марте. После тяжелейшего тура по Канаде и Америке я вернулся в Вену, где должен был петь «Риголетто». Это одна из самых трудных опер для баритона.

– И кажется, твоя любимая?

– Самая любимая и самая ненавистная. Я приехал, оставил вещи в отеле и сразу поехал к врачу – жаловаться на себя и свою жизнь. (Улыбается.) На то, что петь не могу и уставать стал. Врач посмотрел на мои связки и говорит: «Беленькие, чистенькие, все у тебя хорошо». А потом добавил: «Ты спортом-то занимаешься? Что нужно сделать, если мышцы устали? Отдохнуть пару дней». Вот и ты, говорит, отдохни немножко, а потом начинай петь. После первого спектакля я снова к нему пришел. А он даже смотреть не стал. «Не приходи ко мне больше, – говорит, – все у тебя хо- ➤

Эту фотографию сделал Виктор Ахломов в 1992 году во время первой встречи Вадима Верника и Дмитрия Хворостовского.

**«БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ Я ПРОВОЖУ
ВНЕ СЕМЬИ. ЭТО ОБРАТНАЯ СТОРОНА МОЕЙ
ПРОФЕССИИ, И Я С НЕЙ ДАВНО СВЫКСЯ»**

► рошо. 360 евро с тебя». (Смеется.) И постепенно, спектакль за спектаклем, с паническим ужасом внутри, я встал на ноги.

– Все-таки эта депрессия, если так можно назвать твоё состояние в то время, почему возникла?

– Это была и усталость, и весна, и возраст... Голос переживает несколько мутаций: и в 14 лет во время переходного периода, и в 30, и в 40, и в 50... Голос меняется вместе с организмом. Какие-то особенности голоса исчезают, другие по-

являются. Здесь важно вовремя улавливать эти изменения, чувствовать свой голос и адекватно себя оценивать. Потому что все здесь, все идет отсюда. (Показывает на голову.)

– Я читал, что после развода с первой женой ты чуть не попал в больницу...

– У меня язва обострилась. Но с голосом все было в порядке.

– То есть петь ты мог. Это главное.

– Да, я тогда как раз пел «Риголетто». И между репетициями у меня открылось кровотечение. Помню, позвонил маме пожаловаться – больше было некому. Мама сказала: «Срочно беги в больницу». Она тогда жила, не помню, то ли в Москве, то ли в Красноярске. А я в Хьюстоне. Приехал в больницу, и меня тут же положили в реанимацию. Спасли, но я потерял несколько пинт крови. Если бы я тогда маме не позвонил, так, наверное, и растаял бы на сцене.

– Но сейчас-то все наладилось. Рядом с тобой женщина, которая тебя чувствует и понимает...

– Ну, жена не всегда рядом, и дети тоже. Большую часть

времени я провожу вне семьи. Это обратная сторона моей профессии, и я с ней давно свыксся. Конечно, я тоскую по своим родным. По детям особенно. У них сейчас такой возраст – сыну восемь, дочери четыре, – когда они меняются на глазах. Ты не видишь их всего неделюдь, а они уже изменились.

– Понятно, ты – воскресный папа. А когда ты с ними, ты их балуешь, растворяешься в них? Или все-таки бываешь жестким?

– Жестким нет. Я веду себя с ними не как папа, а как дедушка. (Улыбается.) Обычно у бабушек и дедушек более близкий контакт с внуками – им не нужно их воспитывать.

– Дети твою любовь чувствуют?

– Конечно. У меня дети такие... Особенные. Современные дети, как правило, очень дистанцированные, холодные... Особенно в Англии. Все-таки англосаксонская культура дает о себе знать. Но наши дети... Они любят, замечают красоту, они настолько тонко чувствуют любые изменения в настроении, что ты можешь даже ничего не говорить, просто подумать, а они сразу реагируют. Совершенно уникальные дети.

– А твои старшие двойняшки? Ты с ними видишься?

– Очень редко. Они и мои, и не мои одновременно. И как раз яркие представители англосаксонского мира.

– Хотя твоя первая жена – русская.

– Да, я сам удивляюсь, когда задумываюсь об этом.

– А со второй женой, Флоранс, которая, насколько я знаю, наполовину француженка, наполовину итальянка, не было моментов непонимания, связанных с разницей в менталитете?

– Нет. Мы настолько родственные души, между нами нет никаких преград. Единственное, я, наверное, сильнее ее в некоторых вопросах. Не то чтобы я давлю... Она, конечно, вольна в высказываниях. Но есть темы, например устройство России, по которым она придерживается западного взгляда. И я переубеждаю ее, объясняю, что у нас есть своя, исторически сложившаяся специфика, которая может быть непонятна иностранцам. Я для нее авторитет, она замолкает тут же. (Улыбается.)

– Жена ведь у тебя тоже оперная певица.

– Да, но она не стала делать карьеру.

– А почему? Ты хотел, чтобы она состоялась как певица? Или пусть сидит дома с детьми?

– Как тебе сказать... Я понимаю, что она имела и имеет право строить собственную карьеру. Но чтобы быть идеальной на сцене, достичь такого уровня мастерства, чтобы вот комар носа

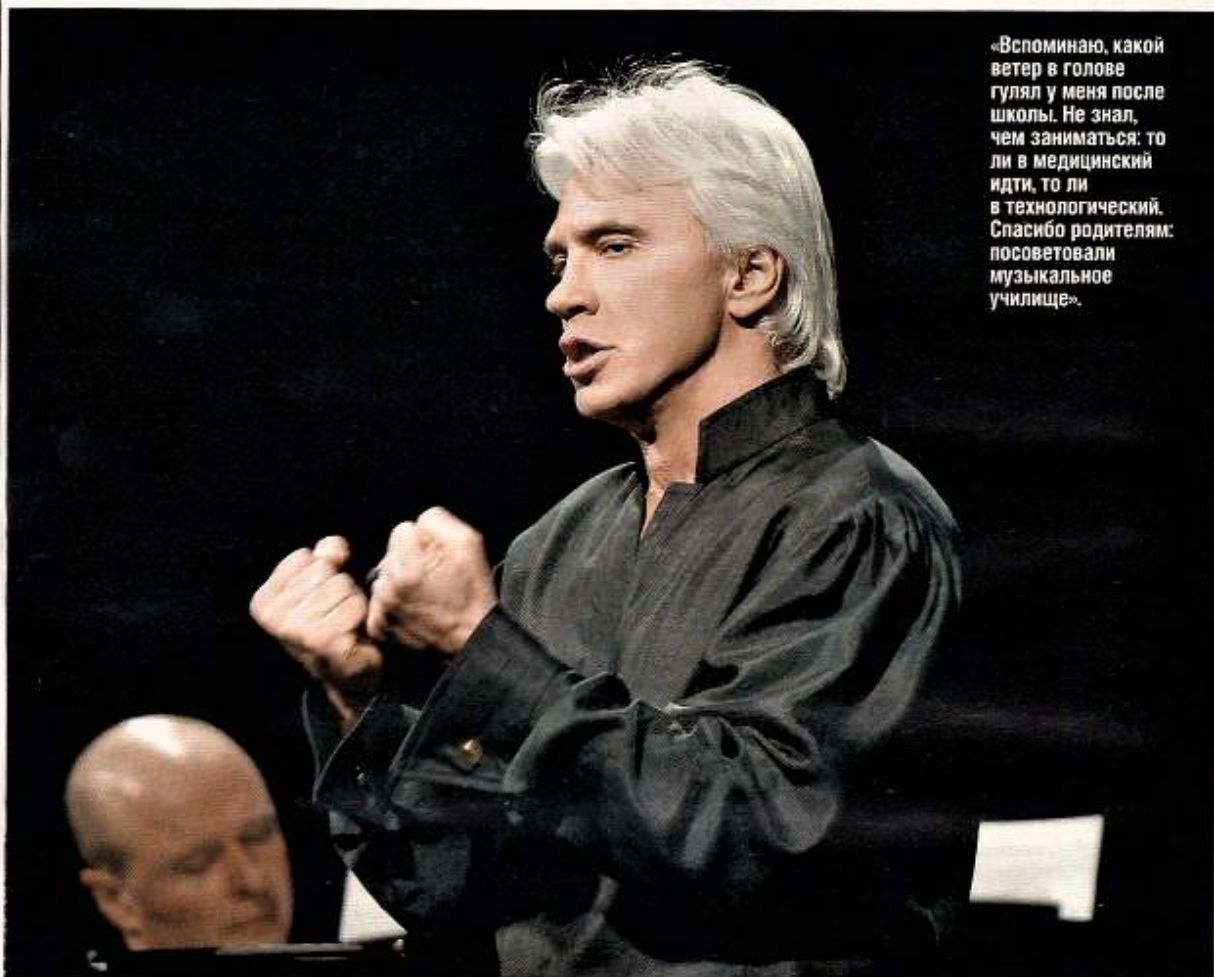
не подточил, ей надо многому научиться. Посвятить сцене жизнь. А она не готова. Это не тот человек, который бросит семью, меня, дом, нашу жизнь... Она вроде бы и хочет заняться карьерой, но понимает, что это невозможно. Помочь в чем-то я, конечно, могу, и я помогал. Но, может, должен был делать для нее больше, не знаю. Она у меня, кстати, снималась в кино...

– Я видел твою жену. Очень красивая женщина.

– Красивая. Она достойна и экрана, и оперной сцены. У нее и голос незаурядный. И возможно, я просто негодий. И я должен был ее проталкивать... Но дело в том, что я никогда никого не толкал, не заставлял, я не такой чело-

«Евгений Онегин». Главную партию исполняет Дмитрий Хворостовский. Лондон. 2006 год.

«Вспоминаю, какой ветер в голове гулял у меня после школы. Не знал, чем заниматься: то ли в медицинский идти, то ли в технологический. Спасибо родителям: посоветовали музыкальное училище».

► век, я не умею этого делать. Может быть, нужно было научиться. Может, она была бы счастливее. Не знаю.

– **Сейчас она счастлива по-другому.**

– Счастье, это ведь штука такая... Это не идиллическая эйфория. Счастье бывает мимолетным, подспудным, иногда это только ощущение счастья. Счастье – это когда вся жизнь твоя озаряется от одного слова, чьей-то улыбки, от того, что просто солнышко вышло...

– **Ты всегда был таким сентиментальным или это все возраст?**

– Я просто часто задумываюсь о таких вещах. На вопросы «Что такое счастье?», «Счастлив ли я?», мне кажется, каждый из нас пытается ответить по-своему.

– **А что ты отвечаешь, когда спрашиваешь себя: «Счастлив ли я?»**

– Скорее всего, да. Но, с другой стороны, я совершенно не умею расслабляться и отдаваться этому счастью. Знаешь, бывают моменты, когда хочется воскликнуть: «Ах, хорошо!» – но ощутить это счастье в полном объеме, искупаться в нем я не могу. Не умею. Во мне сидит червячок, который всегда меня гложет, заставляет думать то об одном, то о другом, беспокоиться, злиться... Возможно, я просто не был обучен предаваться счастью. Возможно, мне нужно бросить все и уловить, наконец, этот момент удивительного баланса. Возможно, я никогда не смогу этого почувствовать.

– Ты говоришь такие вещи... Неужели в минуты триумфа на сцене, или когда ты женился, когда появились на свет дети, ты не был счастлив?

– Так, как хотел бы отдаться этому чувству, – нет, не был. Может, я просто недопонимаю себя, хочу чего-то, на что не способен. Я бросил пить десять лет назад, наверное, с тех пор не могу расслабиться до конца.

– Вообще не пьешь?

– Ни грамма. Я свои цистерны алкоголя уже выпил. И сейчас уже не могу стать таким вальяжным, расслабленным...

– Однако ты постоянно в тонусе.

– Да, и это помогает, потому что я работаю без перерывов. Я к этому привык. Если несколько дней ничего не делаю, начинаю сходить с ума. Но когда ты занят любимым делом, работа нон-стоп – это наслаждение.

– Тем более что ты в своем нынешнем статусе можешь позволить себе от чего-то отказываться.

– Конечно. Я только этим и занимаюсь. (Улыбается.)

– Расскажи про ваш дуэт с Игорем Крутым. Наверняка, когда он состоялся, ты получал критические отзывы.

– Если бы мне не было интересно, я не стал бы этого делать. Два года, пока мы занимались проектом, я горел, мне настолько все это нравилось, что, когда работа закончилась, я почувствовал опустошение.

– Скажи, а почему сейчас вообще возникают такие дуэты? Ты и Крутой, Киркоров и Нетребко...

– А это я их «поженил»! Филипп попросил меня узнать у Ани, хотела ли бы она поучаствовать в таком проекте. Я во всем виноват. Сват. (Смеется.)

– То есть такое скрещение жанров – это тенденция?

– Это уже вчерашний день. Монтсеррат Кабалье и Фредди Меркьюри... Когда это было, в начале 90-х? На границе жанров всегда рождается что-то интересное. После дуэта Кабалье и Мер-

кьюри появился абсолютно самодостаточный жанр – популярная классика.

– Но ты ведь к этому не сразу пришел. Помню, ты как-то мне говорил, что отказался спеть дуэтом с Мадонной...

– Да, я с негодованием отверг это предложение. (Смеется.) Но тогда я просто не смог переступить через себя. У меня были определенные убеждения.

– В случае с Крутым ты не боялся за свой имидж? Не думал, что кто-то из поклон-

«Я РАБОТАЮ БЕЗ ПЕРЕРЫВОВ. Я К ЭТОМУ ПРИВЫК. ЕСЛИ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЮ, НАЧИНАЮ СХОДИТЬ С УМА»

ников отвернется от тебя после такого дуэта?

– Нет. Я вообще несколько скептически отношусь к настроениям публики. Она очень инер-

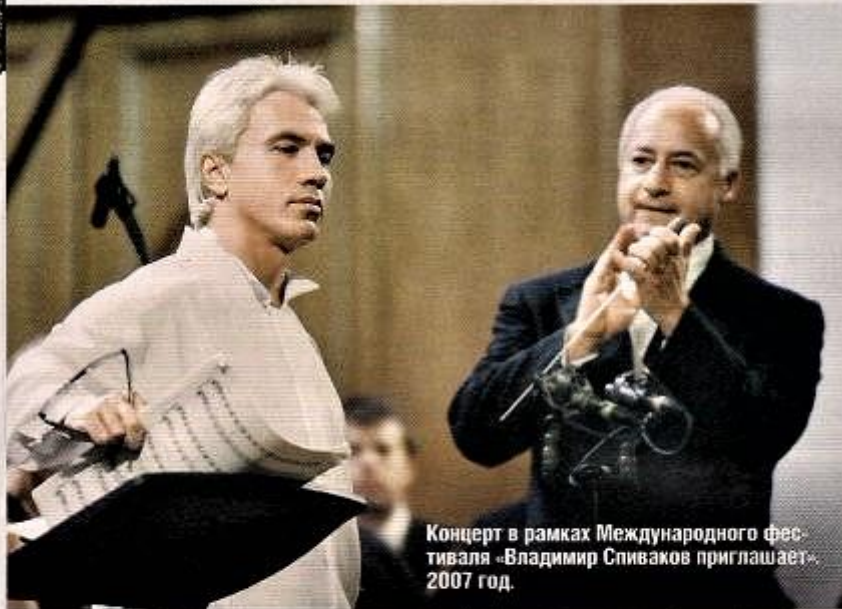
Улыбка Хворостовского – фирменный знак знаменитого певца.

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ *Дмитрий Хворостовский*

Жена Флорано для Дмитрия Хворостовского – и друг, и советчик, и надежный тыл. Санкт-Петербург, 2005 год.

«ВСЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ, МЫ ДЕЛАЕМ ДЛЯ СЕБЯ. ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ СЕБЯ, УЗНАТЬ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ О ЖИЗНИ»

Концерт в рамках Международного фестиваля «Владимир Спиваков приглашает». 2007 год.

► тна. При желании ее можно заставить любить и ценить даже бесталанное полено. Может быть, кто-то от меня и отвернулся. Ну а кто-то, наоборот, заинтересовался. Важно, чтобы мне самому это было интересно.

– То есть в творчестве ты эгоист?

– Абсолютный. Все, что мы делаем, мы делаем для себя. Для того чтобы познать себя, узнать нечто большее о жизни. И не всегда для того, чтобы сделать хорошо другим людям.

– Моя знакомая, когда узнала, что я сегодня буду брать у тебя интервью, произнесла: «Такой красавчик, да еще и поет!» Наверняка какая-то часть поклонниц воспринимает тебя как секс-символ. Тебе это льстит?

– Я уже давно об этом не задумываюсь. Конечно, относиться к подобным отзывам отрицательно сложно, и, наверное, мне моя внешность помогает – встречают-то всегда по одежке. Но раньше меня это раздражало, я пытался доказать, что я серьезный музыкант и внешность тут ни при чем. А сейчас мне абсолютно все равно. То, что я из себя представляю, в том числе и внешне, – это отражение моего творчества.

– Ты рано поседел?

– Двадцать лет назад я был уже седой.

– А ты когда-нибудь комплексовал по этому поводу?

– Нет.

«Со стороны моя жизнь
выглядит наверняка
лучезарной. Но
в большинстве стран
я ничего не видел кроме
концертных залов и стен
номера в гостинице».

«Мой отец, Александр Степанович, инженер-химик. Он всю жизнь пел, но стать певцом-профессионалом ему не удалось», — рассказывал Дима.

➤ **— Не подкрашивался?**

— Я, подкрашивался?! Да никогда!

— А ты следишь за модой? Можешь назвать себя метросексуалом?

— Я — нет. А вот мой восьмилетний сын Максим, когда я надеваю рваные штаны D&G, смотрит на них и говорит: «Папа, сними, это тебе не идет!» Но я все равно иногда ношу их. (Смеется.) Нет, конечно, слежу за модой, но не фанатично.

— Почему худая фигура от природы?

— Была. Хотя я смотрю на фотографии десятилетней давности — я тогда кругленький был, щеки со спины видны, много ел... Ем я по-прежнему много, но сейчас чувствую себя легко, могу пробежать какую угодно дистанцию. Я владею своим телом и в этом смысле даже несколько горжусь собой, потому что раньше я таким не был.

— Дим, а ты машину водишь? Я шесть лет назад сел за руль, и теперь машина для меня фетиш, я без нее вообще не могу.

— Да ты что... (Вздыхает.) Это моя большая тема. Я тебе завидую. У меня плохое зрение, меня из-за него в свое время даже не взяли в армию. И моя мама испуленно убеждала меня держаться от машин подальше. В конце концов она меня и убедила, и успокоила. Я перестал переживать из-за того, что не вожу машину. Научиться я этому научился, но у меня нет прав. И правил я не знаю, а это, по-моему, самое главное. У меня прекрасно водит жена. А я научил водить Мак-

«В школе я был заядлым футболистом. Когда пинал мяч об стену, мама заглядывала мне в глаза, сомневаясь в моих умственных способностях».

сима – он уже сам управляет автомобилем, правда, только если я сижу рядом.

– А дети у тебя музыкальные?

– Конечно. У Данилы, старшего сына, и у младшей, Ниночки, абсолютный слух. Старшие, им сейчас пятнадцать, занимаются музыкой, играют на фортепиано – они достаточно музыкальны, чтобы пойти по жизни с музыкой. Младшие, Нина и Максим, поют. Максим обожает Майкла Джексона, собирает календари, афиши, фотографии... Если где-то раздастся музыка Джексона, у Максима загораются глаза. До этого у него в фаворитах были динозавры и акулы. Мы знали все о хищниках подводного мира. (Улыбается.)

– А свои диски ставишь детям?

– Нет. Я сам свои диски не слушаю. Разве что по работе, но это всегда мучительно. Я не привык любоваться собой, мне это кажется большим грехом. А вот наш с Игорем Крутым клип ставил детям. Ниночка моя, тогда еще совсем маленькая, по восемь раз на дню заставляла его крутить. Очень ей нравилось. А Максим говорил: «Папа, ты плохой в этом клипе». А я там действительно с кнутом, наказываю кого-то... Вот он и боялся.

– Как так получилось, что вы живете в Лондоне?

– Там моя карьера началась, мой менеджмент оттуда. И потом в Лондоне просто очень хорошо жить, там правила общежития грамотные, а люди внимательные, чистоплотные. И географически Лондон удобен. Мне, может, и хотелось бы пожить в Италии, но я пока не представляю, как это осуществить. Да и итальянка моя, честно говоря, не хочет жить в Италии.

– А с детьми по-русски общаешься?

– Да, всегда. А жена по-французски. Мне хотелось бы, чтобы дети говорили и по-французски, и по-ита-

льянски, но у них русский и английский пока преобладают.

– Дим, чего нам ждать от тебя в ближайшее время? Ты готовишь для поклонников что-нибудь необычное? Какие контракты уже подписаны?

– Подписанные контракты – это неинтересно. Очередные роли, очередные спектакли, «Ковент-Гарден» и так далее. Может, что-то необычное мы сделаем с Игорем Крутым. Может быть, мюзикл. Интересно было бы попробовать себя в этом жанре.

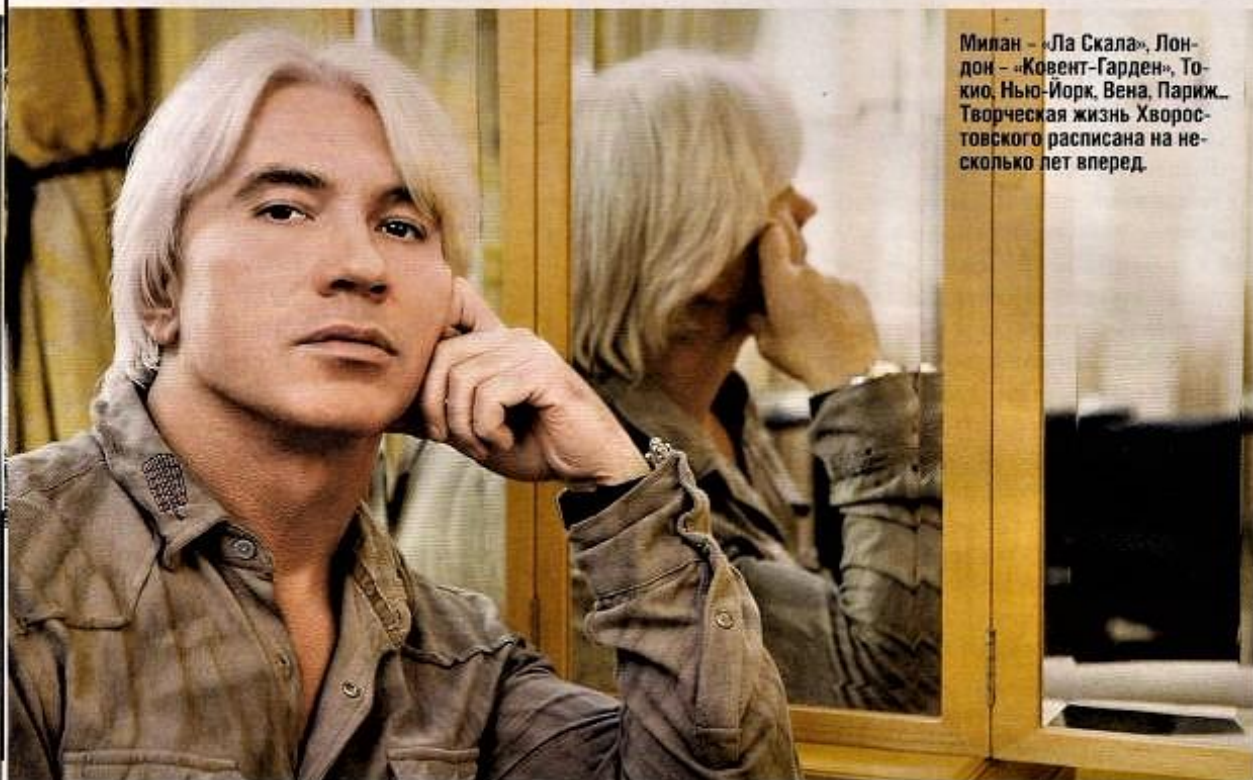
– Ты упомянул «Ковент-Гарден», так, мимоходом. А когда ты пел на этой сцене впервые, был внутренний трепет?

– С трепетом я впервые пел в «Ла Скала». Это был 93-й или 94-й год, постановка Франко Дзеффирелли. Помню, годом раньше приехал на прослушивание к Рикардо Мути – сразу после того, как спел в Венеции «Онегина». Прибыл на следующее утро поездом. После спектакля артисты петь не могут, тяжело. И я чувствовал, что не смогу. А мне мои приятели показали на сцене знаменитую точку Марии Каллас, с которой голос звучит так, ➤

«Я СВОИ ДИСКИ НЕ СЛУШАЮ. РАЗВЕ ЧТО ПО РАБОТЕ, НО ЭТО ВСЕГДА МУЧИТЕЛЬНО. Я НЕ ПРИВЫК ЛЮБОВАТЬСЯ СОБОЙ»

Жена Флоранс часто сопровождает мужа в гастрольных поездках.

Милан – «Ла Скала», Лондон – «Ковент-Гарден», Токио, Нью-Йорк, Вена, Париж... Творческая жизнь Хворостовского расписана на несколько лет вперед.

► как будто включили динамики. И я спел большую сцену, стоя прямо на этой точке. Сцена длинная, минут восемь, а то и все девять. Истекая потом, я заканчиваю петь, удовлетворенный смотрю на Мути и жду его реакции. А он мне: «Теперь отступи на шаг назад и влево! И давай с самого начала и до конца». Это был такой ужас! (Смеется.)

– Неужели действительно есть такая магическая «точка Каллас»?

– Два человека стоят рядом, буквально в шаге друг от друга: один звучит, как Зевс-громовержец, другого не слышно. Там даже несколько таких точек. (Улыбается.)

– Я натолкнулся в Интернете на такую фразу, она меня зацепила: «За Дмитрием Хворостовским закрепилась репутация отстраненного и высокомерного человека». Дыма без огня не бывает, согласись.

– Высокомерным меня называли, наверное, потому, что я иногда не знаю, как вести себя с посторонними людьми. Это не то чтобы скромность... Скромным меня назвать труд-

но. Но я просто не чувствую себя привольно с людьми, которых плохо знаю. Держу дистанцию, закрываюсь.

– А твои друзья из музыкальной среды?

– У меня всего один настоящий друг, он живет в Америке. Я с ним очень редко вижуся, в основном мы созваниваемся или переписываемся.

– Вопрос, наверное, уже риторический. Почему ты до сих пор не спел в Большом театре? Неужели не приглашали?

– Все впереди. Не знаю, стоит ли говорить об этом – не хочу спугнуть удачу, – но я очень хочу спеть в Большом театре. Раньше не хотел, а теперь хочу.

– Почему это желание появилось именно сейчас?

– Я обязан это сделать. И потом я знаю, что смогу. И не посрамлю ни себя, ни Большой театр. Раньше у меня был некий комплекс, к тому же Большой всегда был таким проблемным, не хотелось с ним связываться. А теперь мне ничего не страшно. Все-таки я приобрел небольшую уверенность в себе... ■